

Евгения Красноярова

О простом

* * *

Мы курили в подворотне,
жадно втягивая дым.
Двор-квадрат – окошек сотня
или сотня с небольшим –

рыбу чистила еврейка,
сохла краска на стене,
заливалась канарейка
о недавней старине,

тополя цвели июнем...
Было что-то в табачке
несказанное. И юность
билась

рыбкой
на крючке.

* * *

Давай пойдем ходить по Чернышевского,
по остановке имени Багрицкого...

по сизого булыжника буханочкам
несут несуществующие рельсы
людей в несуществующем вагоне,

так бережно и беззаботно, будто
его не ликвидирует война...

собаки уступают нам дорогу
и долго-долго взглядом провожают,
как будто понимают, что́ мы видим,
и тем, другим, случившимся собакам
не смеют прекословить на пути...

Пойдем – идти.

* * *

Навстречу нам – стояли корабли:
дредноут и, похоже, бригантина.

И я сказала:
– Это лишь стена.
Предлог для любованья из окна
соседнего кафе, и волны – мнимы.

А ты ответил:
– Стены проходимы.

И мы сошли с асфальта на картину
и до рассвета по морю брели...

* * *

Ты мог бы остаться.
Ты мог бы остаться – тут.
На части не рваться,
по кругу не гнать минут,
не длить палимпсеста,
не прятать стыдливо глаз –
любить это место,
как любят в последний раз,

всей площадью кожи,
которую я ношу...
Останься. Ты можешь.
Я большего не прошу.

* * *

Все рвется, и рвется где тонко.
Не стоит жалеть ни о чем.
В масштабе Земли мы – подёнки,
взметнувшиеся над ручьем.
Мы жить бесконечно могли бы.
Хватило бы места на всех...

Пустите, голодные рыбы,
навстречу вечерней росе,
где воздух – внутри и снаружи,
где ловят зарю на живца,
где статус бессмертья не нужен
тому, кто идет до конца.

* * *

Я хочу написать о простом,
о таком, что простее простого,
что в меня до рожденья вросло,
но чему не находится слова.

Я бросаю словарь и тетрадь,
я иду к голубям и собакам:
научите меня понимать
простоты потаенные знаки
на свалывшихся за ночь кустах,
на расклеванной за день дороге...

И нехитрый простого состав
проступает изящно и строго

в клинописных легендах судеб
под обложкой небесного свода...
Будет, люди, вам хлеб: ешьте хлеб.
Будет, люди, вода: пейте воду.

* * *

– омой мое тело
прислони меня к груди
не предавай меня земле... –
последние силы собрав,
Хаттусили говорил.

Люди записывали за ним.
Люди голос его глиной печатывали.

Последние слова
так иногда просты,
так чисты иногда,
что хочется,
чтобы жизнь
начиналась – с них,
длилась – ими...

Омой мое тело.
Прислони меня к груди.
Не предавай меня.

